

Сементовский Николай Максимович

Путешественник
Южный берег Крыма

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Максимович С.**
Путешественник: Южный берег Крыма / Сементовский Николай Максимович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 148 с.

ISBN 978-5-519-85325-5

ISBN 978-5-519-85325-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Часто мысленный взоръ мой блуждаетъ по отдаленнымъ мѣстамъ пространной Россіи и часто очарованный дивною разнообразію мѣстности я забываюсь и воображаю, что гляжу въ волшебное стекло, въ которомъ, какъ цвѣты и рисунки въ калейдоскопѣ, съ каждымъ мгновеніемъ, при малѣйшемъ движеніи являются новые виды то грозной природы Кавказа, то очаровательной Малороссіи, то угрюмага сѣвера, то романтическаго края южнаго берега Крыма. Я истинно наслаждаюсь, когда мечта переноситъ меня въ плѣнительныя долины Тавриды, тогда въ памяти моей воскресаютъ воспоминанія минувшихъ лѣтъ моей жизни, я хотѣлъ сказать, моей юности, когда я, несвязанный никакими

препятствіями, оковавшими меня нынѣ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ этомъ очаровательномъ краю.

Плачу дань прошедшему, передавая впечатлѣнія мои читателямъ, изъ которыхъ быть можетъ, многіе подобно мнѣ, путешествовали нѣкогда въ этихъ мѣстахъ, а нынѣ вдали отъ нихъ также какъ я устремляютъ мысленные взоры и припоминая минувшее истинно наслаждаются.

Помните-ли вы, читатель посѣщавшій южный берегъ, высокія мечети и минареты и слышите-ли полуночную пѣснь слѣпаго старца, призывающаго на молитву вѣрныхъ сыновъ Магомета, видите-ли сотни поэтическихъ развалинъ сѣдой древности разбросанныхъ по горамъ и долинамъ Тавриды, удивляетесь-ли дивною прелестію южной природы, раскинувшей щедро богатые дары свои, слышите-ли пѣсни тысячи птицъ и прельщаетесь-ли чудными дѣвами юга, стройными какъ райны и восхищаетесь-ли райнами также нѣжными, какъ южныя дѣвы? Конечно на эти вопросы вы будете удовлетворительно отвѣчать и я твердо увѣренъ, что въ памяти вашей оживятся всѣ минувшія событія, запечатлѣнныя въ сердцѣ вашемъ на долго, а можетъ быть и навсегда.

Если путешествіе на южный берегъ началось не выѣздомъ изъ Одессы на паракодѣ, то конечно сухимъ путемъ изнутри Россіи и тогда проѣхавши земли, принадлежав-

шія нѣкогда существовавшему народу Борисоенитамъ, жившимъ по теченію Борисеена, то есть Двѣпра, приближаясь къ Тафроскому полуострову и далеко не доѣзжая еще сѣверныхъ воротъ Перекопа, или древняго Тафра, или Неаполя, какъ называется его географъ Мелетій, по обѣ стороны дороги вдались снѣются заливы Гнилаго моря, мутныя воды его стоятъ безъ движенія и надъ ними тянется сѣрый туманъ, по правую же сторону излучистою и блестящею отъ солнца полосою виднѣется Черное море.

Рано утромъ переѣхалъ я Перекопъ; это было въ концѣ марта; въ южномъ краѣ все уже зеленѣло, кусты и деревья облились снѣжными благовонными цвѣтами, воздухъ дышалъ пѣгою.

Перекопъ лежитъ по срединѣ перешейка, на берегу рва соединяющаго море; чрезъ этотъ ровъ перекинуть мостъ. Это единственное мѣсто, чрезъ которое проѣзжаешь сухимъ путемъ въ Тавриду. За мостомъ тянутся съ версту по обѣимъ сторонамъ маленькіе домики, землянки и кой-гдѣ худо выстроенныя лавки, это единственная улица, составляющая весь настоящій Перекопъ, построенный Мегли-Гиреемъ въ 1515 г. Спустя послѣ него тридцать лѣтъ другой ханъ Сагимъ-Гирей расширилъ паланку Феркарманскую, соединилъ два моря рвомъ и построилъ по направленію его каменную стѣну съ башнями, изъ которыхъ въ настоящее время

видны развалины двухъ крайнихъ у береговъ моря. У самаго Перекопа находятся развалины укрѣпленія, построеннаго, какъ предполагаютъ нѣкоторые ученые, генуезцами; оно обведено глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ. Среди развалинъ этой стѣны уцѣлѣли ворота, обращенныя въ пороховой погребъ; надъ входомъ ихъ съ одной стороны и доселѣ существуетъ арабская надпись, съ другой прекрасно изсѣчена сова. Среди города возвышается церковь во имя Св. Николая; она окружена каменными домами, принадлежащими Крымскому Солянному правленію. Въ Перекопѣ еще и доселѣ существуетъ каменный домикъ, построенный по случаю путешествія Императрицы Екатерины.

Выѣхавши изъ Перекопа по пути въ глубь Тавриды на пятой верстѣ лежитъ небольшое селеніе *Армянскій Базаръ*; жидаы, греки, татары и русскіе торгуютъ здѣсь всеми произведеніями южнаго берега, а въ особенності смушками, иначе овчинками. Здѣсь помѣщаются присутственныя мѣста, училища, церкви и мечеть. За Армянскимъ Базаромъ какъ змѣи черпѣютъ по степи двѣ дороги, лѣвая къ Солянымъ озерамъ, правая къ Симферополю; мой путь лежалъ по послѣдней.

Пространная и скучная степь тоже длинное и скучное предисловіе къ историческому роману, послѣ котораго утомленный читатель начинаетъ отдыхать на первыхъ стра-

ницахъ интереснаго разсказа. Крымская степь отъ Перекопа простирается на 130 верстъ и на всемъ этомъ протяженіи изрѣдка встрѣчаются только одиѣ станціи тѣсныя и неудобныя, да по сторонамъ дороги кой-гдѣ виднѣются вдали небольшія татарскія деревеньки съ нѣсколькими хижинами, покрытыми плоскими дерновыми крышами. Однообразіе степи скоро утомляетъ взоръ, который не видитъ другихъ цвѣтовъ, какъ изумрудъ и сапфиръ — зелень и голубое небо. Пасущіеся верблюды и овцы, проѣздъ скрипучей татарской арбы изрѣдка только прерываютъ однообразную картину, по чрезъ мину-ту опять предъ вами одна и та же степь, какъ скучная и неотвязчивая, хотѣлъ сказать жепщина, но скажу лучше, мысль. Однакоже это скучное однообразіе степи искупается пензѣяснимою нѣгою воздуха, напоеннаго ароматомъ цвѣтущихъ растеній. Въ тѣ дни, когда я проѣзжалъ это пространство, оно было не степь, а цвѣтущее благоухающее море и сколько въ этомъ морѣ приволья и простора жизни!... Утромъ до восхода солнца это ароматическое море покрывалось пеленою густаго тумана; за полъаршина впередъ ничего не видишь передъ собою; но вотъ незримо восходитъ солнце; яркія багряно-золотистые лучи его пронзаютъ пелену тумана и она, какъ море, начинаетъ волноваться; серебристый цвѣтъ ея переходитъ въ блѣдно-розовый; волны по мѣрѣ вос-

хода поднимаются выше и выше; тогда по мѣстамъ открывается изумрудная зелень, а среди разорванныхъ волнъ тумана виднѣется ярко-голубое небо. Черезъ часъ, когда солнце высоко плыветъ по горизонту, сѣрый туманъ разсѣвается въ мгновеніе ока и въ эти-то часы благоуханіе истинно райское. Въ полдень картина степи измѣняется; тишина, мертвая тишина воцаряется на всемъ видимомъ пространствѣ, солнце ярко свѣтитъ, воздухъ чистъ и въ это время, если бы склонить ухо къ цвѣтку, то кажется, можно было бы услышать шелестъ его вѣника и тычинокъ и сколько нибудь разгадать незримыя тайны природы, совершающіяся въ тѣ минуты съ каждымъ цвѣткомъ.

Приближаясь ближе и ближе къ Симферополю по степи попадаются деревеньки, чаще видишь стада овецъ и табуны лошадей и на каждой верстѣ встрѣчаешь то верховыхъ, то пѣшихъ татаръ, теперь мирныхъ, а нѣкогда страшныхъ нашихъ враговъ. За двадцать верстъ до Симферополя и самая степь уже взволнована то холмами, то долинами, богатыми прекрасными группами южныхъ деревьевъ, изъ которыхъ одни пирамидальныя раины увлекаютъ взоръ вашъ и вы не желали бы оторвать его отъ этихъ живописныхъ рощицъ. На небосклонѣ, который привыкъ путешественникъ постоянно видѣть безъ малѣйшаго облачка, рисуются страшныя снѣжныя тучи; всматриваешься и уди-

вляешься, что странная форма ихъ несколько не измѣняется; тогда только невольно приходитъ на мысль — не горы ли это южнаго берега, о которыхъ привыкъ мечтать не въѣзжая еще въ Крымъ? Мысль эта оправдывается по мѣрѣ приближенія къ Симферополю. Величественный Чатырдагъ, или Палатъ-гора, служившая пѣкогда, по мѣвнiю Формалеона, границею Босфорскихъ и Херсонскихъ владѣнiй, занимаетъ уже своею вершиною, почти треть неба. Всмотритесь, путешественники, въ эти грозныя вершины и не забудьте, что Чатырдагъ, быть можетъ, единственная развалина въ этомъ краю первобытнаго міра, свидѣтельница безчисленныхъ переворотовъ, случившихся на землѣ. Я самъ не могъ оторвать взора отъ заоблачной вершины этой первобытной развалины и мечталъ возлетѣть на самое ея темя, чтобы съ этой престольной высоты окинуть взоромъ весь міръ, который, кажется, долженъ быть видимъ съ такой высоты...

Очаровательная панорама мѣстности видимо развертывается, новыя красоты являются съ каждымъ шагомъ впередъ и грозный Чатырдагъ, какъ-бы изъ бездны, явственно восходитъ къ небу; за нимъ вдали синѣетъ цѣпь другихъ горъ хребта Яйлы. Розовый лучъ солнца золотитъ опаловыя вершины горъ, какъ волшебная кисть художника, рисующаго фантастическую картину. Верстахъ въ осьмнадцать отъ Симферополя обрыви-

стыя скалы Чатырдага ясно отдѣляются одна отъ другой; въ разсѣлинахъ и по отлогостямъ поросли вѣковые лѣса; покатость, обросшая яркимъ мхомъ и освѣщенная лучемъ солнца, пробившимся сквозь чащу вѣковаго лѣса, кажется, будто покрыта яркимъ изумруднымъ бархатомъ. Небо сливается съ горами, или лучше скажу, горы входятъ въ небо, а въ низу очертываются зданія города-среди котораго вьется кристальный Салгирь. Такая картина рисовалась предо мною, когда я подъѣзжалъ къ Симферополю и когда солнце садилось за горы, а на дальнюю перспективу вершинъ заходъ накидывалъ багряную мантию; вблизи передо мною лежала длинная тѣнь отъ горъ и увеличивала сладостную темноту южнаго вечера и въ то время коляска моя катилась уже по улицамъ Акъ-Мечети, то есть бѣлой мечети, такъ называютъ Симферополь татары.

Въ новомъ городѣ въ соборѣ благовѣстили къ вечерни; въ старомъ, едва только умолкъ послѣдній звукъ колокола, слышался голосъ муллы, призывавшаго съ высоты полуразрушеннаго минарета на молитву правовѣрныхъ сыновъ пророка. Свѣтлыя мысли родились въ душѣ моей, минувшее воскресло предо мною, потомъ въ воображеніи моемъ представилось отрадное будущее, когда крикъ муллы вездѣ замѣнится звуками христіанскихъ колоколовъ, которые быть можетъ скоро повѣсятся новыми христіанами на

башняхъ старинныхъ мечетей и на лунѣ, пынѣ еще остиающей храмы Аллаха, засіаетъ животворный блескъ креста.

Двѣ совершенно различныя части Симферополя—старый и новый городъ, изображаютъ собою двѣ книги времени—старого и новаго. Въ одной части на каждомъ шагу встрѣчаются развалины и на сохранившихся зданіяхъ лежитъ печать всесокрушающаго времени; увидите-ли человѣка, языкъ, одежда и обычаи его непремѣнно напоминаютъ давно минувшіе вѣки, прошедшую судьбу Крыма и сосѣднихъ странъ. Изящные храмы истинному Богу, правильные и прекрасные фасады домовъ, широкія улицы, чистота и опрятность привлекаютъ вниманіе въ новомъ городѣ. Но обратите и старый, не оставьте и эту часть Акъ-Мечети безъ вниманія, посѣтите древнія христіанскія церкви и татарскія мечеты, въ часъ зноя утолите жажду струею, вытекающею изъ древнихъ фонтановъ; быть можетъ, испивши ее, вы, какъ восточный пѣвецъ, воодушевитесь и чистая, живая, чарующая поэзія польется изъ устъ вашихъ; тогда и мы смертные заслушаемся безсмертнаго пѣвца на нѣсколько вѣковъ; но пока начнется эта волшебная пѣснь, мы поѣдемъ къ Симферопольскимъ равнинамъ.

Не спрашивайте, путешественники посѣтившіе Симферополь, о достопримѣчательныхъ развалинахъ; садитесь скорѣе на татарскихъ лошадей и объѣзжайте всѣ горныя

возвышенности, подымайтесь на самыя вершины и вездѣ встрѣтите то остатки толстыхъ каменныхъ стѣнъ древнѣйшей кладки, то полуразрушенныя башни, окруженныя кучами щебня, изъ среди котораго выказываются обломки изящныхъ, нерѣдко мраморныхъ украшеній и даже цѣльныя капители колоннъ, вытесанныя изъ порфира или гранита. По мѣстамъ еще найдете большіе камни, выдолбленные по срединѣ на подобіе воронки для сохраненія дождевой воды или зеренъ хлѣба; но когда и кѣмъ сдѣланы эти углубленія никто не знаетъ.

Прежде всѣхъ прочихъ развалинъ посѣтите такъ называемое Симферопольское укрѣпленіе. Время построенія его неизвѣстно, намъ остался на долю одни догадки и предположенія. Конечно, большая часть укрѣпленій южнаго берега, построенна во время царя Понтійскаго Митридата Евпатора, воевавшего противъ горныхъ народовъ. Легко можетъ быть, что въ числѣ этихъ укрѣпленій построено и Неапольское, въ послѣдствіи переименованное въ Симферопольское, какъ думаетъ Бларамбертъ, Страбонъ же говоритъ, что это укрѣпленіе создано сыновьями Скиоскаго царя Скилура. Но оставимъ догадки на долю изыскателей древностей, онѣ намъ мало принесутъ пользы. Мѣстность укрѣпленія очаровательна: здѣсь предо мною гордо возносятся въ небо Чатырдагъ, за нимъ тянутся другія горы, окутанныя, какъ